

Ольга М. Младенова, Калгари

Лексическая семантика в контексте: названия птиц в болгарской художественной литературе

В своем обзоре философских, семиотических, лингвистических и литературоведческих взглядов на денотацию и коннотацию Б. Гарса-Куарон приходит к выводу, что ученые вкладывают в оппозицию этих терминов самые разнообразные значения, которые можно разделить на девять групп (Garza-Cuarón 1991: 212-245). Я остановлюсь на тех из них, которые представляются мне наиболее обещающими с точки зрения эмпирического исследования семантики названий птиц в контексте болгарской художественной литературы. Электронный корпус из 721 453 слов, база данных для этой работы, состоит из произведений восемнадцати авторов XIX и XX вв.¹ Кроме этих текстов, я использую данные болгарской лексикографии, Архива болгарского языка эпохи Возрождения (АрхВъзр) и отдельные цитаты из других источников.

Референциальный уровень. Согласно одному из распространенных мнений, термин *денотация* относится к первичному значению слова, основывающемуся на однозначном референциальном отношении, тогда как термин *коннотация* – к любому из вторичных значений, каждое из которых предполагает свой класс референтов (Garza-Cuarón 1991: 216-217). Применительно к названиям птиц, эта референциальная дефиниция денотации достаточно полно очерчивает круг анализируемых терминов, так как болгарские названия птиц в основном первичны, но при этом не следует забывать, что, когда речь идет об однозначном референциальном отношении, однозначность определяется весьма широко. Известно, например, что орнитологи и носители языка подходят неодинаково к составлению списка референтов, к которым относятся названия птиц². Такое определение денотации позволяет разделить названия птиц на первичные, напр., *врабче*, *орел*, *чучулига*, *синигер*, и вторичные, напр., *орехче*³ птица крапивник, величиной с грецкий орех³. Можно предполагать, что эта классификация представляет определенный интерес для выделения

¹ Они перечислены в списке сокращений в конце работы.

² В частности, взаимозаменяемы названия *гарван*, *врана* и *гарги* (Гура 1997, 531; Вассва 1998), названия *ястреб* и *кориул* (Гура 1997, 542) и т.д.

³ Я здесь не беру в расчет лексикографическую интерпретацию *орехче*¹ уменьш. от *орех* и *орехче*² 'птица крапивник' как омонимов (напр., БГР⁴, 577), потому что она не учитывает происхождение слова, которое меня здесь единственно интересует.

наиболее раннего, праславянского ядра болгарских названий птиц. Вторичные названия птиц основаны на мертвой, терминологизированной метафоре. Такое происхождение не исключено и для некоторых первичных названий птиц, но оно может быть установлено лишь этимологически. На синхронном уровне они выглядят для носителей языка немотивированными. Те из первичных названий птиц, которые мотивированы, являются производными или сложными словами и указывают на какой-то характерный признак вида, напр., *кълвач* 'дятел' < *кълва* 'клевать' – дятел долбит клювом кору деревьев; *муштрънче* 'крапивник' < *муша* 'совать' + *трън* 'колючка', букв. '(птица) сующаяся как колючка, засаживающаяся, как заноза', крапивник – "самая маленькая птица на территории Болгарии" (БТР⁴, 470)⁴.

В пределах понятия референциальной денотации следует рассматривать структуру семантического поля названий птиц и характерные черты членов этого поля, упоминаемые в речи носителей болгарского языка. Частичными синонимами родовому названию *птица*, указывающими на неоднородность семантического поля, являются его деминутивы *птиче* и *птичка*, а также *пиле*. Родовое название *птица* с денотацией 'птица' и его производные встречаются в моем корпусе у тринадцати авторов, тогда как квази-синонимическое и, вероятно, региональное *пиле*¹ — лишь у троих (Чудомир, Л. Каравелов и Г. Данаилов — причем у последнего не в собственной речи, а в заглавии народной песни). Хотя любой член семантического поля может быть заменен родовым названием, это не всегда можно сделать с помощью его частичных синонимов. В рассказе *Рогати петли* Чудомир сравнивает экономическую конкуренцию между новой моторной мельницей и старой водяной с нападением сокола на птичку, подразумевая своим выбором слов, что слова *сокол* и *птиче* не взаимозаменяемы:

«...откак се допиля този немец — Херман — и издигна моторната на един хвърлей над нея, удуши я, брей, като **сокол птиче**, удуши хубавата воденичка, онемя горката и не можа вече да рече гък!» (Чудомир).

Итак, члены семантического поля птиц не образуют однородную массу. Устойчивые словосочетания *нощна птица* (Св. Минков), *хищна птица* (А. Константинов, З. Стоянов) или *граблива птица*, *злокобна птица* (АрхВъзр: в. *Нова България*, 1876, 6), *пойна птица* (БТР⁴, 789), *прелетна птица* (АрхВъзр: Т. Икономов, *Читанка за приготвяние към граматиката*, 1882, 69), *домашна птица*, *водна птица*, *полска птица*, легко ассоциируются носителями языка с определенными группами птиц. Например, словосочетание *нощна птица* употребляется в

⁴ Эта этимология *муштрънче* принята в БЕР 4, 363, но без объяснения семантики.

Альтернативная этимология, из *муши* м. 'мушиный' и *трънче* ср. 'колючка' (ЭССЯ 20. 200), неубедительна с морфологической, акцентологической и семантической точек зрения.

лексикографической дефиниции названий *бухал* (БТР⁴, 80), *кукумявка* (БТР⁴, 399), *сова* (БТР⁴, 907), словосочетание *прелетна птица* – относительно *кукувица* (БТР⁴, 399), *пъдпъдък* (БТР⁴, 793), *чапла* (БТР⁴, 1058), *църкел* (БТР⁴, 1087), *граблива птица* – относительно *сокол* (БТР⁴, 908), *орел* (БТР⁴, 576), *ястреб* (БТР⁴, 1093), *пойна птица* – относительно *славей* (БТР⁴, 894), *синигер* (БТР⁴, 884), *водна птица* – относительно *лебед* (БТР⁴, 410). Видно, что это деление птиц основано на пересекающейся классификации по таким признакам, как среда обитания, период активности, постоянство пребывания в умеренном географическом поясе, характерное поведение и т.д. Особняком стоит устаревшее *злокобна птица* (и его синоним *зловеца птица*, АрхВъзр: в. *Нова България*, 1877, 245), которое связано у старшего поколения авторов с птицами, чье присутствие воспринимается традиционно как предвестие беды, смерти: ср. под словом *гарван* (Геров 1, 209-210) и под словом *орел* (Геров 3, 380). Звуки, издаваемые этими птицами, наводят тоску, о чем говорят, используя наречия *безнадеждно* (о вороне, Елин Пелин), *унило* (о вороне и вороне, Елин Пелин) или прилагательные *печален* (*печални крясъци* о воронах, Д. Димов), *грозен* и *зловец* (*грозен и зловец грак* о воронах, Йовков, *грозно грачение* о сороках и воронах, АрхВъзр: И. Блъсков, *Изгубена Станка*, II, 6).⁵

Единственная подгруппа, которая ставит под вопрос границы семантического поля, это – *домашни птици*: *кокошка*, *патка*, *гъска*, *пуйка*, *токачка* и соответствующие термины, подразделяющие референтов по полу и возрасту. Тогда как такое деление проводится систематически для домашних птиц и для домашних животных вообще, оно только в исключительных случаях засвидетельствовано как в корпусе, так и вне его, относительно других птиц: ср. *кос* и *коска* у Г. Данаилова; *гарга* и *гардже* у Чудомира. Синонимами устойчивого словосочетания *домашни птици* являются *домашни пернати животни* (АрхВъзр: в. *Ступан*, год II, бр. 6, 15.III.1875, 46), *хвърковати гадини* (З. Стоянов), *гад* собир. (БТР⁴, 126). В рассказе *Съсед* герой Чудомира называет петуха *хайванче*, букв. ‘скотинка’, а в *Рогати петли* – куриц *животинки* букв. ‘маленькие животные’. Эти синонимы и более густая сетка признаков, предопределяющая выбор термина (включающая не только вид, но и пол и возраст) указывают на альтернативную классификацию домашних птиц как вид домашних животных, а не вид птиц. С точки зрения этой таксономии, *птици* – это только неприрученные, недомашние птицы. Может быть, сосуществование двух таксономий птиц в моих материалах следует отнести за счет существования регионального различия во взгляде на классификацию птиц. Но потенциал для двойственной классификации

⁵ Реконструкцию традиционных взглядов болгар и румын на «вещих» птиц *гарван* и *врана* см. у Васевой 1998.

домашних птиц может быть и имманентной чертой болгарской таксономии птиц, содержащей фрагмент, который на равных правах участвует и в таксономии домашних животных. При этом диалектной характеристикой является лишь степень влияния семантического поля домашних животных на оформление вопросного фрагмента семантического поля птиц.

Ответ на вопрос, какие птицы упоминаются наибольшим числом авторов, мог бы дать некоторое представление о ядре и периферии семантического поля. К ядру принадлежат домашние птицы, а на периферии оказываются экзотические и морские птицы. К ядру также относятся орел, воробей, ворона, голубь, черный дрозд, ласточка и соловей, упоминаемые у пяти или шести авторов (полные данные см. в Таблице 1).

Таблица 1. Количественные данные о присутствии птичьих референтов в прозе болгарских писателей XIX и XX вв.

У пяти авторов и более	У трех-четырех авторов	У двух авторов	У одного автора
Gallina <i>петел</i> (8), <i>кокошка</i> (10), <i>квачка</i> (1), <i>пиле</i> ² (4), Anas <i>патка</i> (7), Meleagris gallopavo <i>мисирка</i> (2), <i>пуйка</i> (4), Aquila <i>орел</i> (6), Passer domesticus <i>врабче, врабец</i> (5), Corvus frugilegus, Corvus corone <i>врана</i> (5), Columba <i>гълъб</i> (5), Turdus Merula <i>кос, косе, косер</i> (5), Hirundo rustica <i>лястовица,</i> <i>ластовица,</i> <i>ластавица</i> (5), Luscinia megarhynchos <i>славей</i> (5)	Anser <i>гъска</i> (4), Corvus corax <i>гарван</i> (3), Cygnus olor <i>лебед</i> (3), Ciconia alba <i>църкел</i> (3)	Strix bubo <i>бухал,</i> Pyrrhocorax pyrrhocorax, Corvus graculus <i>гарга,</i> Turtur risorius <i>гугутка,</i> Pavo cristatus <i>паун,</i> Pica rustica <i>сврака,</i> Falco soкол, Phasianus cochicus <i>фазан,</i> Alauda <i>чучулига,</i> Astur palumbarius <i>ястреб</i>	Oriolus galbula <i>авлига,</i> Saxicola oenanthe <i>белогъска,</i> Streptopelia turtur <i>гургулица, гургурица,</i> <i>гургувица</i> , Grus cinerea <i>жерав,</i> Falco tinunculus <i>керкенец,</i> Cuculus canorus <i>кукувица,</i> Picus <i>кълвач,</i> Motacilla troglodites <i>орехче,</i> Psittaci <i>папагал,</i> Coturnix coturnix <i>пъдпъдък,</i> Parus <i>синигер,</i> Coracias garrula <i>сврадовранка,</i> Garrulus glandarius <i>сойка</i>

Судя по художественной литературе, внимание носителей болгарского языка привлекают чаще всего пение птиц и их полет. Пение обозначается следующими глаголами и выражениями: *пея* о птицах вообще (Г. Данаилов, И. Вазов), о петухах (Л. Каравелов, З. Стоянов, Г. Данаилов), о жаворонке (Елин Пелин), *запея* о птицах вообще (Л. Каравелов), *пропея* о петухе (Д. Талев, Й. Йовков, Г. Данаилов), *надпявам се* о соловьях (Чудомир), о птицах вообще (Г. Данаилов), *песен* о соловьях (Л. Каравелов); *чуруликам* о птицах вообще (Б. Райнов, Л. Каравелов, Г. Данаилов), о птице *Saxicola oenanthe* (Л. Каравелов), о воробьях (Л. Каравелов), о соловьях (Л. Каравелов), *зачуруликам* о птицах вообще (Л. Каравелов), *разчуруликам се* о соловье (Чудомир) *чуруликање* о ласточках (Л. Каравелов); *кърша глас* о соловье (Чудомир); *гракам* о галке (Л. Каравелов), *гракна* о вороне (Елин Пелин), *грача* о вороне (Чудомир), об утках и курицах (З. Стоянов), *загракам* о вороне (Й. Йовков); *гукам* о горлице (Д. Талев), *гукна* о горлице (Св. Минков), *загукам* о голубе (Й. Йовков), *гугукам* о голубе (Д. Димов); *цвъртя* о воробье (Д. Димов), *цвъркот* о воробьях (Елин Пелин); *разкрям се* о гусях (Чудомир), *изкрям* о сойке (Елин Пелин), *крякане* о курицах (Л. Каравелов); *кукуругам* о петухе (Чудомир); *изкукуругам*, *изкукуругвам* о петухе (Г. Данаилов, Д. Димов, Чудомир); *потретьам* о петухе (Чудомир); *кудкудякане* о курицах (Л. Каравелов); *закукам*, *закукувам* о кукушке (Йовков); *обаждам се* о горлице, о перепелке (Елин Пелин), *обадя се* о птицах вообще (Й. Йовков); *подвиквам* о перепелке (Елин Пелин); *свиря* о черном дрозде (Чудомир), *звучно изсвирване* об иволге (Е. Станев). Обзор всех этих глаголов показывает, что отношения наиболее общего глагола *пея* и его частичного синонима *чуруликам* звукоподражательного происхождения к глаголам, выражающим звуки, издаваемые отдельными видами, отчасти повторяет структуру семантического поля названий птиц:

пея (птица), пея (птичка), пея (птиче), пея (пиле)

чуруликам (птица), чуруликам (птичка), чуруликам (птиче), чуруликам (пиле)

<-->свиря (кос)

кудкудякам (кокошка)

гукам (гълъб), гукам (гургулица), гукам (гугутка)

грача (врана), грача (гарван), грача (сврака)

и т. д.

Оговорка отчасти вызвана тем, что есть птицы, к которым пропозиция **пея (птица)** никак не может относиться (напр., зловещие птицы *врана*, *гарван*, *орел* и др.). Таким образом, пение птиц оказывается еще и признаком, структурирующим семантическое поле и одновременно

очерчивающим сферу синонимичности терминов *птица*, *птичка*, *птиче* и *пиле*. Названия птиц, к взрослым особям которых нельзя отнести слова *птичка*, *птиче* и *пиле*, не могут быть подлежащими в предложениях, сказуемые которых выражены глаголами *нея* и *чурулика*м.

Полет выражается глаголами *летя* о голубях (Д. Димов), *полетя* об орле (Елин Пелин), об аисте (Л. Каравелов), *прелетя* о птице вообще, о черном дрозде (Елин Пелин), о воронах (Д. Талев), *отлетя* о вороне (Елин Пелин), *хвъркам* о птицах вообще (Радичков), *хвърча* об орлах (Й. Йовков), о птицах вообще (Й. Радичков), *прехвъркам* о птицах вообще (Елин Пелин), *запрехвъркам* о воронах (Елин Пелин), *изхвъркна* о диких утках (Елин Пелин), о горлице (Й. Йовков), *вия се* о галках (Д. Димов), об орле (Елин Пелин, Й. Йовков), о пустельге (Л. Каравелов), *извивам се* о хищных птицах (З. Стоянов), *въртя се във висинето* об орле (Елин Пелин), *правя широки кръгове* об орле (Елин Пелин), *зарей се* о жаворонке (Г. Данаилов). Глагол может сопровождаться пояснениями *безшумно* о птице вообще, *ниско* о черных дроздах, *тежко* о воронах, *бавно и спокойно* об орле (Елин Пелин), *като малки бели ангели, окънани в злато и синевина* о голубях (Д. Димов). Начальная и, соответственно, конечная точка полета обозначается глаголами и выражениями *издигам се* о воронах (Д. Димов), об орле (Елин Пелин), *вдигам се* о воронах (Й. Йовков), *вдигат се на облаци* о воробьях (Елин Пелин); *кацна* об орле, вороне, вороне (Елин Пелин), *спущам се* о воронах (Д. Димов), об орле (Елин Пелин). Согласно лексикографической традиции, с которой многие носители болгарского языка согласятся, *летя* и *хвърча* (СРСБКЕ, 386) являются полными синонимами. Мне же кажется, что разная сочетаемость (нельзя употребить *хвърча* относительно летательных аппаратов) свидетельствует о том, что это не совсем так. Глагол *хвърча* (и в еще большей мере однокоренной *хвъркам*) более экспрессивен за счет своего звукоподражательного происхождения. Он сообщает не только о полете, но одновременно и о шуме от размахивания крыльями. Это хорошо заметно в следующей цитате о мечущейся по классу испуганной курице из рассказа Чудомира *Предметно обучение*:

«Че като се подплашило онова ми ти предметно обучение и се забухало от стена в стена, та съборило и картата, и картината с китаеца от стената, и тебешира от дъската, изляло и три-четири мастила по чиновете – **хвърчало** като лудо и не мислело да спре!»

Я думаю, что замена на *летяло* в этом параграфе сделало бы образ бледнее, лишив его звукового сопровождения. Похожее восприятие демонстрирует и Й. Радичков, у которого *хвърчеше с едното си крило* также плохо поддается замене на *летеше с едното си крило*:

«Свраките покръжиха още известно време, една сойка дойде, но толкова много се превземаше, че повяряйте ми, **хвърчеше** предимно с

едното си крило, а другото само помахваше от време на време. “Кво стана?” – рече сойката и направи кръг над гората, та да могат свраките да видят по-добре превземката ѝ. И когато ѝ забелязаха превземката, тя прибра едното си крило до тялото, а с другото помаха, помаха – пръчът дочу как маховите пера пукаха от налягането – и кацна» (Радичков 1970, 10).

Из перечисленных выше глаголов *вия се* и *рея се* применимы только к плавному полету, который, казалось бы, не должен выражаться глаголом *хвърча*. Возможен и иной выбор слов, подчеркивающий этот аспект:

«По същия начин щъркелите **планират** в небето, въртят се, въртят се, без да махат крила» (Радичков 1970, 35).

Но не все носители языка соблюдают такие ограничения на употребление глагола *хвърча* напр.:

«Но тъкмо в това време се случи нещо, което внесе голям смут сред сватбарите: откъм север, над корините, се показаха орли. Гледаха ги всички. Много орли. Опънали широки криле и **сякаш не хвърчат, а се плъзгат, като че ги носи вятър**» (Йовков).

Можно заключить, что общее значение полета выражается глаголом *летя*, а дополнительная информация о способе полета содержится в частичных синонимах *хвърча*, *хвъркам*, *вия се* и *рея се*. При этом для некоторых носителей языка дополнительные аспекты *хвърча*, *хвъркам* почти стерлись и стали менее заметны, и поэтому для них эти глаголы превратились в полные синонимы *летя*.

Другое, характерное для вида поведение тоже упоминается в корпусе:

Аист: *щъркът замислено закрочи* (Елин Пелин);

Воробьи: *врабците... се ровили из праха* (Л. Каравелов), *весело търхащите врабчета* (Св. Минков), *врабчетата... се борили на крушата* (Л. Каравелов), *по трънаците любовно се боричкаха немирни врабчета* (Елин Пелин), *врабчета... подскачаха* (Д. Димов);

Гуси: *гъските... се поскали край реката* (Л. Каравелов), *гъските хладнокръвно стоят на един крак, пощят се и вовират си главите под крилата* (Л. Каравелов);

Дятлы: *кълвачите... чукаха с човките си по кората на боровете* (Д. Димов);

Курицы: *запляскал криле* (Чудомир), *кълват си... по улицата, ровят си* (Чудомир), *кокошката снася яйца* (Г. Господинов), *като престанаха да носят кокошките след Димитровден* (Чудомир), *когато някоя кокошка... измъти пилета* (Л. Каравелов), *първеския кокошка рогато пиле не може да измъти* (Чудомир), *нашата кокошка излюпи “единадесет” пилета* (Л. Каравелов);

Ласточки: *лястовиците кацаха с хиляди по жилищите* (Г. Данаилов);

Орлы: *орли... рѣфаха човешки меса* (Й. Йовков);

Пустельги: *със своя жедни и грабливи поглед следили след кокошките* (Л. Каравелов);

Утки: *патките... се цамбуркат из реката* (Чудомир), *патките... се къпят* (Чудомир);

Ястреб: *падане като камък отгоре ни* (Й. Радичков).

Наблюдения такого характера позволяют определить отклонения от обычного поведения птиц и поискать для них рациональное объяснение, как, например, в рассказе *Юрбая!* Чудомира:

«Запомни и забележи: цвърти ли ти лулата, мокри ли ти се солта в захлупа, стискат ли ти много цървулите, хапят ли люто мухите, играят ли **гаргите**, бухат ли нощем **бухалите** в ниските места, лягат ли си вечер **кокошките** по-рано от други път, пеят ли лъжовни **петли**, къпят ли се **врабците**, сърбят ли те ушите и почне ли да ти се дреме, ей тъй, без нищо, да знаеш, че времето ще се развали».

Какими бывают птицы? Какие их признаки более всего привлекают к себе внимание носителей языка? Это – внешний вид и в первую очередь цвет, оперение: *черни косета* (Елин Пелин), *сиви врабци* (Елин Пелин), *грив гълъб* (Елин Пелин, Й. Йовков), *белоглав орел* (Л. Каравелов), *черен гарван* (Й. Йовков); *врана с настръхнала перушина* (Елин Пелин), (о петухе) *перушан* (Чудомир), (об иволгах) *слънчевоблестящи пера* (Е. Станев). Другие признаки тоже изредка упоминаются: (о цыплятах) *едни из тях бяха герести, а други гащати* (Л. Каравелов), (об аисте) *със своите алени и дълги крака и със своя ален клюн* (Л. Каравелов), (о ястребе) *както бе жълт и неговият дълъг, гол и хищен крак* (Е. Станев). Те же характерные черты поведения, которые были рассмотрены выше, могут породить более или менее постоянные эпитеты: *немирни врабчета* (Елин Пелин), *весели птички* (Елин Пелин), *ранобудни птици* (И. Вазов), *птичка ранобудна* (Кирил Христов у Г. Данаилова), *птичка сладкопевче* (народная песня у Г. Данаилова), *креслива сойка* (Елин Пелин), *горделиви султани-петли* (Л. Каравелов), *самотна чучулига* (Г. Данаилов).

Как уже было сказано, термин *коннотация* применительно к названиям птиц относится к их употреблению для обозначения референтов за пределами птичьего мира. Иными словами, речь идет о терминологизированных “птичьих” метафорах. Так, *петел* кроме петуха может обозначать в болгарских диалектах (1) язычок мягкого нёба, (2) курок в старинных ружьях и (3) пустоту в тупом конце яйца (БЕР 5, 195), *гларус* кроме морской чайки – молодого человека привлекательной внешности, зарабатывающего на жизнь на курортах ухаживанием за богатыми отдыхающими иностранками (БТР⁴, 133). В моем корпусе

петле, шекерено петле, червено петле (Чудомир) и *захарно петленце* (Л. Каравелов) обозначают сахарного петушка, излюбленное лакомство детей. В рамках такого же определения коннотации можно проводить этнолингвистический анализ терминологии народного быта в ее диалектной вариативности с точки зрения народных воззрений на природу⁶. Однако, исследование в этом плане корпуса литературных произведений вряд ли добавит что-либо существенное к выводам, полученным в результате анализа терминологии народного быта вне ее употребления в контексте. Частным случаем коннотации является использование названий птиц как имен (*Гълъб* в рассказе *На Игликина поляна*, *Пауна* в рассказе *Индже Йовкова*), прозвищ людей (*Иван Бухалът* в *Чичовци* Вазова, *Иван Гаргата* в *Митрофан и Дормидолски* Вазова, *Генчо Кукумявката*, *Тончо Славей* и *Нончо Орлето* в *Българи от старо време* Каравелова, *Еньо Юрдекът* в *Еди-как-си* и *Патунекът* в *Un cadeau* Чудомира) и изредка названий других объектов (ресторан *Чучулига* у Г. Данаилова).

Функциональный уровень. Хотя только что рассмотренная точка зрения на оппозицию денотации и коннотации ограничивается рамками референциальности, есть и иной взгляд, согласно которому эта оппозиция соответствует противопоставлению референциальной функции языка всем остальным (Garza-Cuarón 1991, 217-219), которых Роман Якобсон насчитывает пять: эмотивная, конативная, поэтическая, метаязыковая и фатическая функции языка. Таким образом, термин денотация сохраняется за когнитивным значением слова, тогда как за всеми остальными видами значений, возникающими в контексте коммуникации, закрепляется термин коннотация. Для меня здесь особенно важны оценочные и экспрессивные значения, проявляющиеся в предикатной номинации названий птиц (куда входят и такие тропы, как сравнение и метафора) и близкой к ней номинации-обращения (Арутюнова 1999: 109-120).

Эта дефиниция коннотации охватывает и употребления, относящиеся собственно к птицам, как в рассказе *Косачи* у Елина Пелина или в стихотворении К. Христова, на которое ссылается Г. Данаилов в *Къща отвъд света*:

«Далеч нейде се вдигна тънък писък като жален стон на някоя поразена от куршум душа, вдигна се високо и зловещо и сякаш ударен о небесния купол, падна в тайнствените води на Марица, удави се и умря. Косачите се спогледаха плахо. Очите им се питаха. Благолажът вдигна тайнствено пръст, послуша се дълго и рече: – **Кукумявка е**» (Елин Пелин).

⁶ «Петушинные» названия языка, например, убедительно объясняются В. Васевой как элементы птичьего кода в обрядах жизненного цикла у болгар (Васева 2000).

«Ке те молам **птичко ранобудна** не мой пея / ранина зарана. Снощи ми е дошло първо либе / снощи ми е слезло от балкана» (Г. Данаилов).

Однако на основании предыдущего определения я исключаю их из дальнейшего рассмотрения и ограничусь обзором тех примеров, которые одновременно соответствуют обеим классификациям коннотации. Механизм вырастания коннотации из денотации в моменте коммуникации хорошо иллюстрируется примером из рассказа *Андрешко* Елина Пелина. Увидев, как легко взлетают дикие утки, завязшие в болоте путники понимают, что им тоже надо бы превратиться в уток, чтобы выйти из болота:

«– Дий... Напред! – извика Андрешко на конете. Мощният и здравият му глас проехтя силно в нощта и потъна в непрогледната пустота. Наблизо изхвъркнаха **диви патки** и с шум се изгубиха.

– Трябва и ние да станем **патки**, та да излезем – рече замислено Андрешко, – инак...».

Похожий пример есть и в его рассказе *Хитрец*:

«Над пътниците безшумно прелетя някаква си **птица**.

– Ех, защо не съм и аз **птица**! – въздъхна стражарят, който едвам мъкнеше широките си тежко подковани ботуши. – Колко ще ми с леко!

– Хубаво ще бъде...хвъркат стражарин! – засмя се замисленият арестант. – Вие така и така цвъкате, дето трябва и дето не трябва, какво щеше да бъде пък, ако бяхте **птици**».

Названия птиц в роли предикатов отсылают к уже знакомым нам атрибутам птиц, напр., к их способности летать или среде обитания:

«...казваха, че човек трябва да бъде **птица**, за да прехвъркне през турските пълчища, които пълпели като мравки навсякъде» (З. Стоянов).

«Муховци, които и така са **горски пилета**, защото повечето живеят по своите горски кошари, бяха натоварили едно-друго да вървят на определеното място» (З. Стоянов).

Часто это предикаты повышенной экспрессивности, как, например, следующие употребления названия кукушки для обозначения одиночества:

«На кого ме оставяш, Минчо, сама жена, **сама кукувица**... Че как ще те, Минчо, прежала и как се тоз живот забравя, дето сме го с тебе живели!...» (Чудомир).

«Ох, нашите майки черни кърпи носат, / а нашите жени – **черни кукувици**, / а нашите бащи небричени ходат, / а нашите сестри неплетени ходат, / нашите дечица у турце робе ходат» (народная песня у Л. Каравелова).

Многие предикаты выражают оценку соответствующего референта говорящим. Оценка эта может быть отрицательной или положительной. На ничтожество референта указывает *гарга* (Чудомир), на его глупость *патка* (Чудомир) или *гъска* (Б. Райнов), на робость или трусость *мокра кокошка* (Л. Каравелов, Чудомир), на доброту *гълъбче* (Г. Данаилов), на отрицательное отношение говорящего к многоженству и бездетности – *петел* (Л. Каравелов) и *ялова кукувица* (И. Вазов), на женскую красоту *диба кокошчица* ‘рябчик’ (Елин Пелин). Ограничимся двумя примерами:

«Една глупава **гъска**, това беше онази Мариан. Човек приказва много само когато малко знае. А тя не знаеше нищо освен книгите» (Б. Райнов).

«А бе аз ерген ли съм, или **мокра кокошка**, та се боя от едно момиче?» (Чудомир).

Механизм вывода метафоры за узкие синтаксические рамки предикативной позиции можно показать на примере из романа *Тютюн* Д. Димова. Любовник матери Марии введен в повествование так:

«Той беше ротмистър от гвардията, една кукла, един **пуяк** в червена униформа».

Именная синтагма *един пуяк в червена униформа* здесь занимает предикативную позицию. В дальнейшем *пуяк* уже употребляется референциально:

«Тя можеше да намери този покой в Чамкория, където имаха вила, но сега там летуваше майка ѝ заедно с **пуяка**, облечен във венгерка и нагизден със сребърни бранденбурги».

В народной поэзии метафора часто усиливается тем, что ее референциальная функция предшествует предикативной, как в следующей цитате из З. Стоянова. При этом предложение с номинальным предикатом оказывается не характеризующим, а идентифицирующим:

«В тяхното число имаше и един сърбин, който дойде само за това, да прочете на Бенковски една ода, посветена нему. Тя се захващаше така, че тъмен облак се подал от града Панагюрище, посред който летял **орел с огнени крила**. Облакът не бил друго нищо освен нашата хвърковата чета, а орелът – Бенковски и пр.».

Свернутый предикат присутствует в каждой из следующих, референциально употребленных, метафор, которые также могут быть экспрессивными или оценочными, но не обязаны ими быть, как видно из следующего примера:

«Ну, ревизор! и той человек и ние человеци, все равно... Виждал съм какво не в Бесарабията! Всяка всячина! Ти не си срещал до днес такава **птица**, конечно, боиш са... а питай Дормидолски!» (И. Вазов).

Как и в предыдущей категории, экспрессивность встречается реже оценочности. Вот как Д. Талев описывает страх и тревогу, охватившие его героя:

«Болките по ръцете и нозете му стихнаха, живо **птиче** взе да пърха бързо-бързо в гърдите му и по-надолу, под лъжичката».

Теплота к своим детям выражается их обозначением как *гълъбчета* (Л. Каравелов) или *пиленца* (Елин Пелин). Любовь к жене – ее обозначением как *гургувица* (Л. Каравелов). Восхищение красотой девушек выливается в обозначения *гълъбци*, *ластавички* и *чучулиги* (Л. Каравелов).

Обращаясь к сравнениям, можно сразу заметить, что их число значительно превышает число метафор как в предикативной позиции, так и вне ее. Наибольшая группа сравнений сопрягает птицу с человеком. Хотя центральные признаки птиц – пение и полет – тоже представлены, самое важное место занимают частные особенности отдельных видов птиц. Со звуками, издаваемыми птицами, сравниваются детский лепет (*гуткаше като гълъбче*, Елин Пелин), детский плач (*като пиленца ще си писукат за нея*, Елин Пелин), пение девушек (*като славей пеят*, в нар. песне у Каравелова) и священников (*от време на време пропяват като породисти петли едно безкрайно "ами-и-и-и!"*, Св. Минков). С полетом сравниваются танец девушки (*не мож да разбереш на земя ли стъпя, или лети по въздуха като пиле*, Елин Пелин), возбуждение Бенковского, только что узнавшего, что Апрельское восстание началось (*хвъркнал би той като орел из двора на бае Ивана, ако да имаше възможност за това*, З. Стоянов), и бегство стражников при виде восставших (*късите сини ментани държаха поза на орлово крило, върху които свободно можеше да се брои всякаква монета. Искам да кажа, че тия не бягаха, но хвърчеха*, З. Стоянов). Обыгрывая прозвище своего героя Коно Крилатия, И. Вазов говорит: (*той*) *повече приличаше на бъчва, обута в гащи, отколкото на хвъркато пиле*. Беззаботная жизнь людей сравнивается с жизнью птиц, которые только поют и летают себе в удовольствие: *слушал съм мнозина да казват за някого, че си живее като птичка божия, никакви грижи, никакви ядове, никаква работа, ами си хвърка по цял ден и си тананика* (Й. Радичков).

Типичная внешность вида может служить базой для общего сравнения – о больном ребенке: *жълт и слаб като пиленце* (А. Илиев), о прелестной девушке: *прилича като две капки вода на ластавичка-гнидавичка* (Л. Каравелов) – или для сравнения с отдельными элементами внешности человека и его манерой держаться, как, например:

Волосы: *две китчици косми, по модата разделени и прикривени, като търтата на патарока*, (И. Вазов), *черна като катран коса... лежи над*

челото, *като две тънки гарванови крилца, по средата с пътека* (Елин Пелин);

Взглед: *в сърцето ни пропълзява смътен страх пред неизвестното и зениците ни стават широки и искрящи като на нощна птица* (Св. Минков), *опулил очите си като стар бухал* (Л. Каравелов), *гледа... като някой керкенез* (Л. Каравелов), *хвърля бърз поглед на орел* (Йовков);

Осанка и поза: (о женщине) *протегна като гургуличка бялата си шийка* (Елин Пелин), (о женщине) *изви като лебед бялата си шийка* (Елин Пелин), *дядо поп... се сви в трона като квачка* (Елин Пелин), *баба Яна... клекнала до главата му като насадена кокошка* (Чудомир), *нашите гъркини... повдигат очите си нагоре, като кокошки, когато пият вода* (Л. Каравелов), (о парне) *защо... гледаш надолу като мисир на слънце през март* (Л. Каравелов), (кир Паскал) *повдига главата си като паток и пъчи тумбака си като мисир* (Л. Каравелов);

Походка: *към него се устреми като хищна птица Данковото внуче* (А. Константинов), *опитах се да стана и тръгнах като патка* (Г. Данаилов), *дядо Либен... вървял горделиво, перчил се като паун* (Л. Каравелов), (кир Паскал) *стъпя като щъркел* (Л. Каравелов), (о девушках) *като еребици* ситно, мило припкат (народная песня у Л. Каравелова).

Типичные действия вида тоже могут служить для сравнения с типичными или единичными действиями людей: *Стоян Глаушев доста време живя между преспанци като чужда птица в чуждо ято* (Д. Талев), (о жителях горного села) *живеели волно, като тия планински орли, които не знаят страх и предели* (Елин Пелин); (върху бонбончетата) *се спущат веднага като пилета цял рояк роднински деца* (Св. Минков), *дружината се разпръсна като дребни пилета в това сухоземно море* (З. Стоянов), *жените захортуваха небивалици като разтревожени пилци* (Г. Данаилов), *ние (врабчетата) почнахме да ги замерваме (децата) с прашките и ги пръснахме като пилци* (Й. Радичков), *ще нахлуй полицията и ще ги разгони като пилци* (А. Константинов), *децата, които често влизаха в градината да берат сливи, щом го видеха (Стефан), не слизаха, а просто нападваха и бягаха, колкото им крака държат. Ще речеш, сокол се спуснал на врабчета* (Й. Йовков), *той като орел я грабна от бащините ѝ колиби* (Елин Пелин), *той загледа момичето в очите... като орел, който следи от висинето малката полска мишка* (Елин Пелин), *уплашените ни неприятели... следяха нашите движения... като диви ястреби* (З. Стоянов), *съдията-изпълнител разкопча кожуха си и тялото му зашава в него като пиле, което се излюпва* (Елин Пелин), *насядаха свати, една до друга на миндера, като чавки на стряха* (Д. Талев), *качен на върха, по бяла риза, отдалеч приличал на щъркел, който си вие гнездо* (Чудомир), *коя жена*

като кукувица сама чака до съмнало (Чудомир), аз... сега съм сам *като кукувица* (Чудомир), и теб остави самичък *като кукувица* да ходиш за присмех и да се боят хорските жени от тебе (Елин Пелин).

Человеческий характер сравнивается с приписываемыми птицам внутренними качествами, напр., глупость: *тя глупава...* *тя, жена, млада, колко ѝ ъкъла, като на една кокошка* (Г. Данаилов); ограниченность в сочетании с надменностью: *той имаше ниска и пълна фигура, бе надут като пуяк* и обикновено мълчеше (Д. Димов); робость, нерешительность: *българите мигали напредя му като кокошки* (З. Стоянов).

Базой для сравнения могут служить и такие признаки, как размер птиц или их среда обитания: *на други пък сърцата са съвсем мънички, като на врабчета*. (Св. Минков)... *дядо Рачо Чобанът... си живееше като горско пиле* из усойните и по чукарите на Самодивец (Чудомир).

Переход от обычного, типичного поведения птиц к единичному событию виден в сравнениях со сбежавшим или выпущенным из клетки воробьем (*като избягал от клетката врабец*, Елин Пелин, *като врабци, пуснати от кафез*, Д. Димов), мокрой или зарезанной курицей (*дорде не заприличал и сам на мокра кокошка*, Л. Каравелов, *пискуните им захъркваха като на заклана кокошка*, Чудомир), белой вороной (*като бяла врана*, Д. Талев), ощипанным цыпленком (*приличаше на оскубано пиле*, Г. Данаилов), больным индюшенком (*ще да заприличам на кекаво мисирче*, Л. Каравелов), подстреленными птицами (*тъкатушеха на едно място, като ударени птици*, Й. Йовков) Я приведу один пример из этой категории:

«Опъвам шия аз и очите ми изскачат *като на малко гардже*, кога поглъща скакалец, ама насила не се умира!» (Чудомир).

Другие живые существа, неодушевленные предметы или абстракции сравниваются с птицами значительно реже, чем люди. Приведу три сравнения, каждое из которых более или менее напрямую обосновано способностью птиц летать, что делает возможным сравнивать с ними удачу (из-за ее мимолетности), засуху (отгоняющую тучи огненными крыльями) и человеческую душу (которая может в любой момент отлететь)⁷:

«Човешкото щастие е *като златно птиче*. Веднъж в живота то кацва на рамото на всеки едного от нас и ние трябва да си отваряме добре очите, да не го изпуснем» (Св. Минков).

«Сушата *като невидима дяволска птица* пъдеше с огнените си криле всяко облаче от кръгозора и ставаше от ден на ден по-страшна и по-убийствена» (Елин Пелин).

⁷ Что напоминает традиционное представление о душе как птице (Гура 1997. 528).

«Там, под мостчето, се спотаи Стоян, свит на кълбо и като стискаше зъби, за да държи душата си, която сякаш напираше да изхвъркне от устата му **като птиче**» (Д. Талев).

В менее сложных случаях основанием для сравнения служат все те же уже знакомые нам признаки птиц, напр.:

Звук: (о музыкальном инструменте) *писука тревожно и отчаяно, като изгубено пиле* (Чудомир);

Скорость, стремительность: *като голяма бяла птица префуча белият кон* (Й. Йовков), (о дерущихся петухах) *хвърли (се) върху му като усорляк* (Чудомир), *тя била хубава – хвъркна нещо като врабче през Герчовата мисъл* (Елин Пелин);

Цвет: (об ослице) *сива като гълъбче* (Елин Пелин), *белеят се като бели птици забрадките на жетварките* (Й. Йовков), *бял и красив като лебед мерцедес* (А. Илиев), *бели чалми, като лебеди* (З. Стоянов), *поголеми, черни като орли облаци* (Елин Пелин), (о персиках) *червенееха (се) отдалеч като оранжеви птици, накацали по редколестните дръвчета* (Е. Станев);

Осанка: (о лошади) *като мисир се перчи* (Л. Каравелов), *изви шията си като лебед* (Й. Йовков);

Характерная позиция в пространстве: (об артиллерии) *чакаше като сокол върху една могила* (З. Стоянов), (о домах) *техните стрехи са надвисени, като крилата на квачката* (Л. Каравелов), *къцурка, ниска, схлупена, сякаш ластовиче гнездо, залепено на баира като под някоя стряха* (Й. Йовков), (о скале и домах, прижимающихся к ней) *прилична на голяма птица с отпуснати крила, под която се гушеха една до друга като пилци къщите на селото* (Й. Йовков), (о ботинке) *провиснала на кутлето му като заклана кокошка* (Чудомир).

На фоне этого обзора прямых сравнений легче распознать контексты, подразумевающие сравнение. Желая наглядно показать убедительность бай Ганьо, А. Константинов использует прием завуалированного сравнения фольклорного происхождения и утверждает, что нельзя понять, человек это говорит или соловей поет:

«Като зинаха ония ми ти бай Ганьови уста, че то човек ли говори, **славей** ли пей...»

На имплицитном сравнении основана и серия относительных прилагательных от названий птиц с общим словообразовательным значением 'похожий на х, такой же, как соответствующий элемент х', где х обозначает птицу. Так у Елина Пелина находим *бела гушка гургувичина* и *вран кон*, у Л. Каравелова *жълто и папунесто лице*, у Св. Минкова *птичи иния*, у Л. Каравелова *керкенезки очи* и *вран вихрогон*, у И. Вазова и Елина Пелина *орлов поглед*, и у Д. Димова *орлов нос*. Несколько особняком стоит

сложное прилагательное *гълбовосин* 'голубой', букв. 'светло-синий, как голубь' (ср. *гълбовосиньото небе* у Елина Пелина). Описывая хитроумный маневр своего героя, А. Константинов сравнивает круг, который он сделал по пути к интересующей его газете, с упомянутым выше характерным полетом орла, описанным Елином Пелином и Й. Йовковым.

«И бай Ганьо стана от мястото си, засвири със зъбите си "Зелен листец" и като се озърташе уж разсеяно, правеше **орлов кръг** към тезгяха: доближи се, хвана за гърлото една бутилка с коняк и престорен, че чете етикета ѝ, така си изкриви надясно очите, шото човек насреща му би видял само белтъците им, и погледът му падна върху сгънатата газета, от която се виждаше само заглавието "Свободно слово"».

На примере относительных прилагательных можно продемонстрировать важность контекста для определения значения выражения. В отличие от именной синтагмы *орлов нос*, где само сочетание слов указывает на коннотативный характер прилагательного (у орлов ведь не бывает носа, значит, речь идет не об орле), при отсутствии дополнительной информации *орлови криле* воспринимается именно денотативно как крылья орла. Следующий фрагмент показывает, что его можно толковать и иначе – 'крылья, как у орла', – но для этого нужна опора на контекст:

«Магдалина казала:

– Ще взема она, който ме изведе на върха на Самодивските скали.

Момците се смутили и умърлушили. Това не бе ли подигравка? Кой може да я изведе на непристъпните скали? Кой имаше **орлови криле** да литне там?» (Елин Пелин).

Схожие возможности двойной интерпретации (денотативной и коннотативной), которые только усиливают экспрессивность выражения, сохраняются и за другими производными от названий птиц. Рассматривая окказионализм *кукумявкарница* из рассказа Елина Пелина *Ветрената мелница* вне контекста, можно подумать, что речь идет о месте, где живут совы (*кукумявки*). О таком месте говорит З. Стоянов:

«Това училище бил във от селото, опустяло и развалено, без прозорци и със счупени врати. То било **гнездо на кукумявки**, на прилепи и на други нощни птици, така шото и сред бял ден хората се бояли да го посетят» (Стоянов 1976: 47).

У Елина Пелина, однако, речь идет о новом, строящемся здании ветряной мельницы, которая, как мы узнаем, так и останется недостроенной. В тот момент, однако, когда герой Елина Пелина называет это здание *кукумявкарница*, в нем никакие совы не живут. Такое название лишь выражает опасение строителя, что его труд будет напрасным и

здание будет исполнять не функцию ветряной мельницы, а жилья для сов. Та же экспрессивная функция и у слова *гълъбарник* 'голубятня', которое в *Чичовци* И. Вазова относится к тюрьме, что понятно только из контекста.

Как было сказано выше, кроме "птичьих" метафор и сравнений, интерес для нас представляют и "птичьи" обращения. Роль обращения исполняют следующие названия видов птиц: *гургувице*, *соколе*, *гълъбице* у Л. Каравелова, *гълъбче* у П. Яворова и А. Константинова, *гълъбо* у Чудомира, *моя ластовичке* у Л. Каравелова, а также квази-родовые названия: *моя птичко* у Л. Каравелова, (*мое*) *пиленце* у Л. Каравелова, А. Константинова, Чудомира и Елина Пелина. Все эти обращения выражают положительное отношение к собеседнику. Можно вообразить и названия птиц в такой роли, которые бы выражали отрицательное отношение к собеседнику (напр., *гъско*, *патко*, *кокошко* и т.д.), но в корпусе таких примеров нет. Только выпивший герой рассказа *Еди-как-си* Чудомира, приведший к себе домой гостя посреди ночи, в разговоре с женой чередует обращения *гълъбо* и *сврако*:

«— Петро... Петро-**гълъбо**, ставай! Ставай, че гости ти вода!...

— Да ти опустеят гостите и ти да пукнеш, кога се не напи — обадила се сънена жена му и станала да отвори.

— Ссст! Петро-**гълъбо**! Умната! Посрещни, както е редно, и слагай софрата... еди-как си! И фитката дай!

— Няма фитка! —

— Сст! Петро-**сврако**, да донесеш тенджерата, че ще ти я нахлуя на главата!...

— Ще, не ще, донесла Петра фитката. Яли, пили, по едно време той пак се развикал:

— Петро-**гълъбо**, тая фитка крака няма ли? Де й са кълките?

— Няма! Не зная!

— Каак, Петро-**сврако**, кракатааа! Краката... еди-как си! Донесла жена му и остатъка, отсипан в една паница, тръснала я отпреде там и рекла:

— На, пукай, да се напукаш, пък утре нека да мрем от глад!
— Ссст! Петро-**гълъбо**, умната! Качулят знае какво прави! Пет печели, шест харчи! Умната!... Еди-как си! Нали тъй, баджанак? Сръбни де! Що не пиеш? Ха, тъй те искам! Да живееш! Да живее народът! Да живее червеното знаме на труда!»

"Птичьи" обращения провоцируют металингвистические высказывания. Как едко замечает Светослав Минков в повести *Алхимия на любовта*:

«Съгласно една стара сантиментална традиция влюбените ненавиждат смъртно своите истински имена, които смятат за твърде варварски и неблагозвучни. Те предпочитат галените обръщения, като „пилеце“, „гълъбче“, „жабче“, „мишле“ и тъй нататък – все такива едни зоологически епитети. Ала най-често, разбира се, единият от двамата се нарича Беба, а другият Буби. Тия две имена сякаш са се наложили със своята двусрична нежност, та са станали общо употребяеми и неизбежни за всяка влюбена двойка, макар че името Буби, простете за израз, звучи малко кучешки и неволно ни спомня за дресираните къщни фокстериета с кожено герданче на шията».

Г. Данаилов в *Къща отвъд света* тоже счита за нужным пояснить, что именно выражает обращение *гълъбе*:

«И тъй физикът-евреин, след като беше разбрал, какво удивително село сме открили и че общият ни приятел Гошо възнамерява да си купува къща там, беше заявил делово, „Виж какво, *гълъбе*, като отиваш там, купи една къща и за мен!“ Прозвището „гълъбе“ беше израз на доверие между тях двамата».

Героиня Каравелова напрямую свързва теплы чувства к родственникам с обращением *гълъби*, *гълъбици*:

«А как ще аз да обичам свекъра си и свекървата си! Как ще аз да обичам етървите си, деверите си и калинките си! Все ще да ги наричам *гълъби*, *гълъбици*, мили и драги!» (*Българи от старо време*).

Прямая и образная номинация. Взгляд на оппозицию денотации и коннотации как на противопоставление прямого, буквального значения метафорическому, образному употреблению слов (Garza-Cuaron 1991: 230-235) позволяет расширить круг анализируемого материала и добавить к данным, отвечающим двум определениям коннотации (в рамках референции и за пределами референциальности для выражения оценки и экспрессивности), и „птичью“ фразеологию, поговорки и пословицы, а также связать их с теми же характерными признаками птиц, о которых шла речь выше в связи с отражением „птичьих“ референтов в болгарской художественной литературе XIX и XX вв. Для иллюстрации я проанализирую на примере пения петухов семантическую эволюцию от денотации (когнитивного значения) к коннотации (в рамках референции) и далее — к экспрессивному фразеологическому обороту (коннотация за пределами референциальности). Примером первой стадии является следующее предложение:

«Мина кой знае колко време, а нощта беше все така тъмна, студена и страшна, отникъде не идваше никакъв признак на живот, дори куче не се чуваше да залае или **петел да пропее**» (Д. Талев).

Здесь нет второго плана. Читателю сообщают об отсутствии любых признаков жизни, в том числе пения петухов. В следующем примере мы продолжаем находиться на первой стадии, где референт (петух) выполняет то же действие (пение):

«**Пяха първи петли, пропяха втори** и почна да се съмва, а стрина Деша, благоверната му съпруга, се върти в леглото и сын я не хваща» (Чудомир).

При этом, однако, здесь речь уже идет о знаковой природе пения петухов: по их пению можно судить о течении времени ночью. В третьем примере именная синтагма *първи петли*, формально идентичная той из предыдущего предложения, имеет другой референт и обозначает уже момент во времени (около полуночи):

«Веселата компания, при която дошли още няколко градски чапкъни, продължила да пие гюловица и да яде бадем **до първи петли**» (Л. Каравелов).

Это уже вторая стадия. На ней следует расположить и устойчивые словосочетания *петли лъжовни* (Чудомир, Г. Данаилов) и *петляно време* (Й. Йовков, Чудомир). Они имеют косвенное отношение к домашней птице и прямое к течению времени, как видно из контекста:

«Някакъв момък се моли на момата да го пусти вече да си ойде, че петлите пеят, веке ке се съмне... А момата му отвърща — Тия са петли, **петли лъжовни**, постой, постой мило либе... Момъкът се тресе от страх и пак се моли: Кучинята лаят, веке ке се съмне, пусти ме мило либе да си ойда... Ама момата пак не дава — Тия кучиня лаят лъжовно, постой, постой мило либе... Изобщо вечната история на мъжа, който е утолил страста си и сега гледа да се измъкне докле е време» (Г. Данаилов).

«Останах вдовица с три малки деца. Черна работа, голямо тегло, че слугуване, вечер **до петляно време** преди, тъчи на чужди хора, та цели дванайсет години без очи да подигна свят да видя» (Чудомир).

Устойчивое выражение *лягам с кокошките и ставам с петлите* 'быть жаворонком; ложиться рано и вставать рано' относится к этой же стадии, так как оно предполагает (за кадром) знание того, что петухи поют еще до рассвета (значит, они уже встали):

«Варлаам Копринарката не беше никак развратен човек; той говееше в сряда и в петък, носеше шарени чорапи, плетени от булката, рано си лягаше и ставаше, за което Иван Бухалът, голям присмехульник, често казваше, че Варлаам вечеря с просяците, **ляга с кокошките и става с петлите**» (И. Вазов).

Только в этом контексте, но уже на третьей стадии, могло зародиться выражение *и без петел (се) съмва*, которое носители болгарского языка

используют, желая наглядно показать, что какое-либо условие не является непременной предпосылкой для достижения цели:

«А Данко пуша едно “нейсе”. “Пиянството, почитаеми господа - нанизва бай Таки, - се отразява зле на работата ни, на здравето ни. на поколението...” “Бошлаф!” - шепне Данко и се подсмива под мустак. Но *без петел съмва!* Няма сега за един Данко да напуснем възвишената идея Оставиха Данка да си суче мустака и се заеха с конституиране на дружеството» (А. Константинов).

Здесь пение петуха — только повод для обобщения, единичный пример иллюстрирующий более общую закономерность. На третьей стадии можно найти и другие фразеологические обороты, обыгрывающие пение петуха, но они прошли другой путь в своем развитии. Первая стадия их пути — та же самая, но вторая отличается. Для иллюстрации я приведу следующее предложение, содержащее выражение *не ми пее петелът* ‘со мной не считаются’ (БТР⁴: 626):

«С момците се Грозда надиграва, облог бие и често надвива. Само **пред Герчо ѝ петело не пее**» (Елин Пелин).

Как видно из примера, это выражение можно использовать относительно людей обоих полов, но оно связывает право на собственное мнение с петухом, предполагая существование патриархальной модели, при которой муж (петух) принимает решения, а жена (курица) беспрекословно подчиняется. Фразеологизм *не ми пее петелът* вновь — как и в предыдущем случае — обобщает коннотацию второй стадии и возводит ее к более высокому уровню абстракции, на котором буквальное понимание исходя из когнитивного значения слова *петел* уже затруднено. О реальном существовании этой коннотации второй стадии свидетельствуют примеры предикативного употребления слова *петел*:

«Ала обично се свършва с черпение от кръчмарова страна, който и напред е бил в ерфенето, но сега черпи пак под предлог: **да излезе над всичкити петел!**» (АрхВъзр: Хр. Г. Данов, *Летоструй или домашен календар*, ч. 1, 1869: 122).

«Аз, каквото знаете, не щях служба, но като стана така, трябва **да се върна** в Пловдив **петел**, та ще приема това назначение» (АрхВъзр: *Из архива на Н. Геров*, кн. 1, 1911: 216).

Итак, выражения со значением ‘оказаться самым главным петухом’, ‘вернуться петухом’ свидетельствуют о коннотации петуха как победителя, предводителя, лидера, что предполагает (при определенных условиях, как видно по следующему примеру) и право на собственное мнение (пение):

«В това време Стоянова майка стояла близу до разговорящите и размишляла: “Още **петелът** не се е качил на полицата, а **захванал е вече**»

да кукурика! Не харчи, не прави голяма сватба, не гощавай хората!.. На добро го учат!.. Нека ни се смеят хората – филибелийците ще да гледаме ние!”» (Л. Каравелов).

«Сбирай си устата и слушай – казал страшният повелител, и посочил с пръст към жената си. – Когато **пее петелът**, кокошките трябва да мълчат» (Л. Каравелов).

«Злощастни ония къщи, в които кокошките пеят, а **петело мълчи**» (АрхВъзр: *Високи умни хитрости Бертолдови*, 1853: 38).

Итак, выражения, основанные на пропозиции **пея (петел)** в разном контексте могут, кроме прямого значения, еще указывать на (1) ход времени и (2) позицию лидера — идеи, которые могут обыгрываться носителями языка без ограничений в выражениях различного лексического наполнения.

В заключение этого раздела важно подчеркнуть, что фразеологизмы, поговорки и пословицы могут быть двух типов. Если устойчивое выражение или пословицу можно понять в принципе, подставляя в них когнитивное значение слова, то это – формальный признак их принадлежности денотативным фразеологизмам, поговоркам или пословицам. Примером может быть оборот *не пускам (и) пиле да прехвъркне*:

«Ние с тия люде сме живяли, утре пак ще бъдем едно. Тъй не може, няма да дадем да ги затрият. И отишли нашите, обградили селото, **не пуснали пиле да прехвъркне** нито навън, нито навътре» (Г. Данаилов).

Очевидно, что это гипербола, но устойчивое выражение вполне возможно понять исходя из когнитивного значения *пиле*. Наоборот, если это невозможно сделать, значит, выражение принадлежит к коннотативным фразеологизмам, и исследователь должен искать отсутствующее звено цепочки. Примером может служить экспрессивное выражение, обозначающее, что кто-то совсем потерял способность соображать, и встречающееся в разной форме у многих авторов:

«Изпила им **кукувица** ума!» (И. Вазов);

«**Кукувицата** не е още изпила ума и на даскалите» (Л. Каравелов);

«Иди, иди, ако **кукувица** ти е изпила ума!» (Й. Йовков);

«Аз ако пия, че ва не съм си изпил ума я? Знам колкото за себе си, знам какво права, слава Богу, не ми е **врана** изпила ума» (АрхВъзр: И. Блъсков, *Пиян баща*, кн. 2, 1879: 73);

«Да не ми е **чавка** изпила ума?» (Д. Димов).

Связь между способностью думать и наличием ума очевидна, но без дальнейших разысканий остается непонятным, причем здесь кукушка, ворона или галка. Следует ожидать, что, имея достаточно большой корпус

текстов, можно было бы реконструировать путь этого и других коннотативных фразеологизмов, поговорок и пословиц.

Разобравшись в типах птичьих коннотаций, можно попытаться определить, какие названия птиц наиболее часто имеют коннотативную семантику для носителей болгарского языка. Видовые названия *птица* (и производные) и *пиле*¹ обнаруживают такую семантику у четырнадцати и, соответственно восьми авторов моего корпуса. Это показывает, что *пиле* шире распространено среди носителей болгарского языка со своей коннотативной, чем со своей денотативной семантикой. Из 36 названий видов птиц, у которых есть коннотативная семантика по данным моего корпуса, у наибольшего числа авторов (пяти и более) встречаются домашние птицы (*петел*, *патка*, *пиле* 'цыпленок', *кокошка*), а также некоторые другие: *гълъб*, *кукувица*, *лебед*, *орел*, *врабче*, *врана* (см. полные данные в Таблице 2).

Таблица 2. Количественные данные о наличии коннотативной семантики у названий птиц в прозе болгарских писателей XIX и XX вв.

У шести авторов и более	У пяти авторов	У трех авторов	У двух авторов	У одного автора
<i>гълъб</i> (9), <i>петел</i> (9), <i>патка</i> (7), <i>пиле</i> ² (7), <i>кокошка</i> (6), <i>кукувица</i> (6), <i>лебед</i> (6), <i>орел</i> (6)	<i>врабче</i> , <i>врана</i>	<i>лястовица</i> , <i>славей</i> , <i>сокол</i>	<i>бухал</i> , <i>гарга</i> , <i>гургулица</i> , <i>гъска</i> , <i>кукумявка</i> , <i>мисирка</i> , <i>папуняк</i> , <i>паун</i> , <i>сврака</i> , <i>чавка</i> , <i>чучулига</i> , <i>щъркел</i>	<i>гарван</i> , <i>гугутка</i> , <i>квачка</i> , <i>керкенец</i> , <i>кос</i> , <i>пуйка</i> , <i>токачка</i> , <i>усорляк</i> , <i>щраус</i> , <i>яребица</i> , <i>ястреб</i>

Оказывается, что список наиболее популярных птичьих референтов только отчасти совпадает со списком наиболее частотных птичьих названий в коннотативном употреблении. Названия *гълъб*, *орел*, *врабче* и *врана* присутствуют в обоих списках, тогда как частотные референты *лястовица* и *славей* встречаются в коннотативном употреблении лишь у трех авторов, а *кос* – у одного. Ссылка же на референтов *лебед* и *кукувица* из списка частотных коннотаций есть у трех и, соответственно, одного автора. Впечатление производит прежде всего контраст между денотативными и коннотативными употреблениями названий *кос* и *кукувица*, что свидетельствует о потенциальной независимости этих двух семантических уровней друг от друга.

От инварианта к варьированию. Объединяя три подхода к оппозиции денотации и коннотации в научной литературе⁸, я попытаюсь отделить инвариант “птичьего” фрагмента болгарской языковой системы от вариаций его реального осуществления в речи, которые могут быть весьма разноплановыми. В предыдущих разделах этой работы речь шла преимущественно об инварианте. Обратимся к вариациям разного порядка.

Одним из важных источников вариации в корпусе является влияние родных говоров авторов на их речь, о чем уже упоминалось выше в связи со структурой семантического поля и относительной редкостью денотативного употребления *пиле*¹ в сравнении с его коннотативным употреблением. Чудомир и Л. Каравелов используют *мисирка* ‘индейка’ вместо литературного *пуйка*. Радичков любит такие звонкие регионализмы, как *смадовранка* или *кловодървец* ‘дятел’ (Радичков 1970: 88). Число примеров диалектных названий или вариантов можно было бы легко увеличить, но исследования в этом направлении на материале корпуса литературных текстов вряд ли откроют что-либо такое, чего нельзя обнаружить более традиционными средствами диалектной лексикологии.

Кроме пространственной вариативности, можно ожидать и существование вариативности во времени, в речи различных социальных групп, а также вариативности индивидуальной, стилистической. Посмотрим, какие выводы относительно этих типов вариативности можно сделать на основании неравномерности использования птичьих денотаций и коннотаций носителями языка⁹. Неравномерность эта обладает как количественной, так и качественной характеристикой. Количественные данные по моему корпусу представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Употребление названий птиц в денотативных и коннотативных значениях в болгарской художественной литературе XIX и XX вв.

⁸ Группа 4 «Устойчивое и варьирующее значение», Группа 5 «Гомогенная (системная) и гетерогенная (асистемная) информация» и Группа 6 «Основная (ключевая) и дополнительная информация: стиль» (Garza-Cuarón 1991, 222-230).

⁹ Та же неравномерность, видимо, характеризует и болгарскую разговорную речь, которая осталась за пределами данного исследования. Например, любопытно, что в записях речи болгарских парламентариев, транскрибированных Мавродиевой, птицы упоминаются единственный раз в контексте, выдающем переводной характер употребления: “опасност идвъ не ут бесеппе // а от развилнели се контъривулюциони **ястреби**/ куиту искат на всяка цена / прес огън и кръф / безработиць / инфляция иглат дъ възродът къпительизъм у нас”, ср. англ. *hawk* ‘ястреб’, которое часто употребляется в похожем смысле, ср. Madeleine Albright ... is considered as a ‘hawk’ who favors the use of military force).

Частота денотаций	Частота коннотаций	Спектр денотаций	Спектр коннотаций
176 Радичков	753 Каравелов	2347 Радичков	2144 Каравелов
557 Каравелов	1218 Йовков	2807 Станев	2558 Елин Пелин
585 Чудомир	1254 Чудомир	2810 Йовков	3320 Йовков
891 Йовков	1279 Елин Пелин	3107 Елин Пелин	3413 Чудомир
1343 Средняя частота	1584 Вазов	3233 Чудомир	3617 Илиев
1553 Елин Пелин	1815 Минков	3279 Каравелов	3802 Вазов
2179 Господинов	1919 Стоянов	4357 Господинов	3838 Стоянов
2406 Станев	2406 Средняя частота	5056 Попов	4149 Минков
2535 Вазов	3079 Константинов	5117 Стоянов	4790 Константинов
2559 Стоянов	3616 Илиев	5809 Минков	8462 Яворов
2905 Минков	5952 Талев	5952 Талев	9919 Талев
3448 Данаилов	6453 Радичков	7604 Вазов	12907 Радичков
3792 Попов	6692 Димов	8834 Данаилов	15168 Попов
4960 Талев	7068 Данаилов	11471 Димов	15706 Данаилов
8030 Димов	8420 Станев	16880 Райнов	16840 Станев
16880 Райнов	8462 Яворов	18036 По корпусу	16880 Райнов
21554 Константинов	15168 Попов	21554 Константинов	18986 По корпусу
- Яворов	16880 Райнов	- Илиев	20075 Димов
- Илиев	- Господинов	- Яворов	- Господинов

В первом столбце авторы расположены в порядке убывания частоты использования названий птиц для обозначения птичьих референтов. Список кончается П. Яворовым и А. Илиевым, которые в анализированных текстах ни разу не употребили название птицы в прямом значении. Цифра, сопровождающая имя автора, показывает, сколько слов его текста приходятся на одно обозначение птичьего референта. Для сравнения в таблице приводится и средняя арифметическая величина по всему корпусу. Второй столбец приводит такую же информацию, но относительно названий птиц использованных коннотативно. В третьем и четвертом столбцах авторы расположены в зависимости от численности

инвентаря денотативно и, соответственно, коннотативно использованных названий птиц. Цифры указывают на соотношение этого инвентаря с объемом анализируемого текста.

На основании этих количественных данных мне удалось разделить авторов на четыре группы в зависимости от того, как они используют названия птиц. Несмотря на то что в каждой группе представлены авторы разных поколений, можно заметить некоторое увеличение доли наших современников по мере удаления от первой группы.

(I) Живая традиция: Л. Каравелов, Й. Йовков, Елин Пелин и Чудомир. Это авторы, у которых наблюдается частое употребление наибольшего набора названий птиц и баланс между частотами денотативных и коннотативных значений. Действие в их произведениях развивается в деревне или в маленьком городке, герои близки к природе, они окружены домашними, полевыми и лесными птицами. Ежедневные наблюдения за их поведением и внешним видом делают их естественным источником для сравнений, метафор и фразеологии. При этом у Л. Каравелова и Чудомира преобладают домашние птицы, а у Й. Йовкова и Елина Пелина – полевые и лесные.

(II) В русле языковой инерции: А. Константинов, Д. Талев, Св. Минков и А. Илиев. Птицы сами по себе уже мало интересуют этих авторов, но продолжают служить – более по традиции, чем в результате непосредственных наблюдений за ними – источником образов для осмысления окружающего мира. Иными словами, коннотативные значения преобладают над денотативными. Спектр встречающихся названий сужается. Промежуточное положение между группами (I) и (II) занимают И. Вазов и З. Стоянов, у которых частотность еще достаточно велика, но предпочтение к коннотации уже намечается.

Авторы первой и изредка второй групп предпринимают попытки выйти за пределы стандартизованных средств, предлагаемых языковой системой для описания типичного поведения птиц, и искать собственные слова для создания своего образа птиц, как в следующей выборке:

«Птичките са забягнали далеч из хладните усой и не им се чуе гласът. Само гугутка се обажда изрядко от сенчеста круша или **грив гълъб усамотено префюфюква с криле към гората**. Тежко и душно» (Елин Пелин);

«Не беше добър тоя ден. Посърнали изглеждаха полетата и далеч по планината се влачеа тъмни мъгли. Орляци черни врани се вдигаха с грозен и зловещ грак и **замрежваха въздуха**» (Йовков);

«...всичко живо беше се разбудило и размърдало; мушиците фърчаха; **ластовичките стреляха из въздуха своите крилца и своите чичикания**» (И. Вазов);

«Негде наблизу гукаха гугутки, а звънката, припрына глъчка на какви ли не птички по дървесата из дворищата в градините наоколо все тъй не спираше, както бе започнала още преди изгрев слънце» (Д. Талев).

(III) Городская проза: П. Яворов, Д. Димов, Б. Райнов и А. Попов. Птицы мало заметны в творчестве писателей этой группы. Спектр названий узок, коннотации клишированы и редки. Например, Д. Димов упоминает семь птичьих референтов (всего десять упоминаний) и двенадцать раз использует четыре названия птиц коннотативно, причем пять раз речь идет о носе с горбинкой (*орлов нос*) какого-то персонажа и еще пять раз какие-то люди названы индюками. Разрыв с традицией маркируется и тем, какие слова авторы выбирают, описывая характерное поведение птиц, когда им приходится это делать:

«Една пасяща наблизо **гъска** проточи шия към крака му и извряка пронизително» (А. Попов).

Глагол *вякам* и его производные больше не встретились мне в корпусе для идиоматического обозначения звуков, издаваемых птицами. В лексикографии он приведен в сочетании *жабите врякат* (БТР⁴, 111).

Особняком стоит Е. Станев, которого я условно включаю в эту же группу и у которого коннотации названий птиц подчиняются названным закономерностям, но птичьи референты, хотя и редки, описаны со знанием дела – видимо, сказался его охотничий опыт.

(IV) Взгляд на птицы сквозь призму других приоритетов: Й. Радичков, Г. Господинов, Г. Данаилов. Если первые три группы писателей выстраиваются в хронологический ряд постепенного затухания знаний о птицах, у очень разных авторов, здесь объединенных, чаще присутствуют названия птиц, использованных денотативно, тогда как знакомые там традиционные коннотации почти полностью отсутствуют, причем птичьи референты в творчестве этих писателей, обычно несут дополнительную смысловую нагрузку, у каждого автора свою.

У Радичкова птицы – это излюбленные герои его сказочно-мифологического мира, имеющие лишь косвенное отношение к реально существующим пернатым, как одна типичная цитата может напомнить читателю. Говорит воробей в рассказе *Тананик* из цикла *Ние, врабчетата*:

«Истина е, че песните, дето Пиук ги съчинява и ни ги раздава да ги пеем било когато отиваме някъде, било когато работам, са съвсем простички, но пък ни вършат много хубава работа. Не са, да кажем, като песните на **славейте**. Те техните песни едни издокарани, па засукани, па с едни извивки – ако тръгнеш по извивките им, свят ще ти се завие. Тия засукани песни **славейт** ги пее само сутрин рано, в тишината, та да се фука пред всички, че му много засукани песните. Ние нямаме нищо против тия песни, нека ги пее **славейт**, който иска, да слуша. Той сутрин си изпява засуканата песен, а после през целия ден мълчи като риба и се

вре по сенките. Ние такива темерути не обичаме. По-добре е да ви кажа да пеете прости песни, но през целия ден и за всякакви случаи».

У Господинова птици присъствуват как символи или абстракции. В списке своих занятий 70-х годов, когда ему было от трех до двенадцати лет, его герой приводит *изрисуваната табла на леглото с езеро и лебеди*. Голуби являются главными героями кошмарного сна героя. Тот же герой использует парадокс о курице и яйце в разговоре с маленьким ребенком:

«Започваме съвсем неангажиращо.

– Знаеш ли кой снася яйца?

– **Кокошката** снася яйца. Нито крави, нито часовници може да снася тя.

– А кой е снесъл **кокошката**?

– Ами... дървото. – Ето колко леко се изплъзва от затворения кръг на парадокса, как сменя с лекота вида».

Такое же вторжение коннотации в сферу денотации часто наблюдается у Г. Данаилова. Лебедь у него такой же сомнительный символ красоты, как и для Господинова:

«Стараясь се да направиш всичко резеда и хайде тя порозовее. Един стар майстор казваше, че единственото средство са пресни фъшкии нариснати във вода. Нарисваш, прецеждаш и миеш стената с така получения разтвор... След това отгоре можеш да изографисаш розички, лилии, **лебеди** и всякаква поезия» (*Доколку си спомням*).

Сокол упоминается в связи с увиденной в музее египетской мумией сокола, соловей и другие певчие птицы – в контексте разговора о поэзии, убитые фазаны – в связи с натюрмортами фламандских мастеров и т.д.

Итак, к каким выводам приводит настоящее исследование? В теоретическом плане, мы убедились, что изучение коннотации не может проводиться вне ее связи с денотацией и что если семантический анализ изолированных слов и выражений еще возможен на референциальном уровне, то за его пределами семантический анализ должен оперировать только целыми текстами. Анализ не-референциальных номинаций в контексте должен предшествовать изучению фразеологии, поговорок и пословиц, построенных на коннотации, тогда как денотативные фразеологизмы, поговорки и пословицы понятны и вне такого анализа. Успехи в изучении коннотативной фразеологии и не-референциальных номинаций находятся в прямой зависимости от величины корпуса текстов, на котором основан анализ. Например, мой корпус не объясняет происхождение (неизвестного мне по собственному опыту носителя

болгарского языка) коннотативного значения ‘мракобес’ у слова *бухал* (БТР⁴, 80)¹⁰. Семантический анализ в контексте корпуса текстов позволяет получить особо интересные и недоступные для иных методологических подходов результаты вариативности лексической семантики.

В эмпирическом плане, проведенный анализ установил, что образ птиц, вырисовывающийся на материале болгарской художественной литературы XIX и XX вв., только изредка соприкасается с традиционными народными представлениями, установленными методами этнолингвистики (ср., напр., Гура 1997: 527-745). Наиболее близкими оказываются образы зловещих птиц, кукушки, горлицы и домашних птиц (преимущественно за счет таких авторов, как Л. Каравелов, Й. Йовков, Елин Пелин и Чудомир, поддерживающих живую связь с традицией), но даже они обрисованы менее подробно, чем в соответствующих этнолингвистических материалах. Иными словами, художественная литература и народная культура, реконструируемая этнолингвистически, представляют разные срезы болгарского общества, хотя и не обязательно разные хронологические пласты болгарской истории. На примере птиц был выявлен механизм отмирания народных представлений среди некоторых групп населения: на первом этапе — в связи с изменением условий жизни (что в данном случае связано с урбанизацией болгар) — исчезает необходимость в частом денотативном употреблении соответствующей лексики, но она продолжает активно использоваться в своих коннотативных значениях. На втором этапе экспрессивность коннотативных значений без непосредственной связи с соответствующими референтами ослабевает и они постепенно заменяются другими средствами, которые ближе и понятнее носителям языка. Те из них, которые по особенностям своей биографии оказываются знатоками референтов, игнорируемых большинством их современников (как Е. Станев), оказываются оторванными от коннотаций, приписываемых им прошлыми поколениями. Новая серия коннотаций, если она возникает, коренным образом отличается от предыдущей.

¹⁰ Материалы АрхВъзр позволяют выстроить идеологически маркированный ряд “если прогресс = свет, а реакция = тьма, то ночная птица = символ реакционера”: “Трябвало е един фатален 18 Май: трябвало е отечеството ни да се покрие с мрак, с мъгла, за да могат да се явят на сцената всички мракобесни същества, всички бухали...” (АрхВъзр: в. *Независимост*, год. III, бр. 26, 17.V.1895, 2) Так как вне такого эксплицитного контекста, слово *бухал* употребляется по данным АрхВъзр лишь 3. Стояновым, выделение ‘мракобес’ как отдельного значения слова *бухал* в словаре новейшего времени представляется неуместным.

ЛИТЕРАТУРА:

- Арутюнова 1999 – Н. Д. Арутюнова. Язык и человек. 2-е издание, исправленное. Москва, 1999.
- АрхВъзр – Архив Литературы Возрождения в Институте болгарского языка БАН (София).
- БЕР – Български етимологичен речник. Т. 1-6. София, 1962-2003.
- БТР⁴ – Л. Андрейчин и др.: Български тълковен речник. Четвърто издание, допълнено и преработено от Д. Попов. София, 1999.
- Вазов – Иван Вазов: Митрофан и Дормидолски. [1881] 30.IX.2003. <slovoto.org/vazov/mitrofan/index.htm>
- Чичовци. [1884] 1.VIII.2002. <slovo.orbitel.bg/vazov/chichovci/>
- Васева 1998 – Валентина Васева: Гарванът и враната в представите на българи и румънци // Българска етнология, 1998, 3-4, 89-109.
- Васева 2000 – Валентина Васева: Птичият код в обредите от жизнения цикъл // Жизненият цикъл. Доклади от българо-сръбска научна конференция 12-16 юни 2000. София, 2000, 194-210.
- Garza-Cuarón 1991 – B. Garza-Cuarón: Connotation and Meaning. Berlin, New York, 1991.
- Геров – Н. Геров: Речник на българския език. Т. 1-5, Пловдив, 1895-1904.
- Господинов – Георги Господинов Естествен роман. [1999] 30.IX.2003. <www.slovo.bg/gospodinov>
- Гура 1997 – А. В. Гура: Символика животных в славянской народной традиции. Москва, 1997.
- Данаилов – Георги Данаилов: Къща отвъд света [1997] 30.IX.2003. <slovoto.org/danailov/kushta/>
- Доколкото си спомням (откъси) [2000] 30.IX.2003. <slovoto.org/danailov/dokolko/>
- Димов – Димитър Димов: Тютюн (откъси). [1954] <slovoto.orbitel.bg> 30.IX.2003.
- Елин Пелин – Елин Пелин: Разкази 1901-1906. [1972] Пижо и Пендо. [1977] 30.IX.2003. <slovoto.orbitel.bg>
- Илиев – Андрея Илиев: Когато един мъж е на колене. [1998] 1.VIII.2002. <www.liternet.revoluta.com/bl/i/ailiev.htm>
- Йовков – Йордан Йовков: Старопланински легенди. [1976] 30.IX.2003. <slovoto.orbitel.bg>
- Каравелов – Любен Каравелов: Българе от старо време. [1872] 1.VIII.2002. <slovo.orbitel.bg/karavelov/bulgari/htm>
- Маминото детенце [1875] 1.VIII.2002. <slovo.orbitel.bg/karavelov/mamino.htm>
- Константинов – Алеко Константинов: Пази Боже сяпо да прогледа. [1894] Бай Ганьо. [1890-e] 30.IX.2003. <slovo.orbitel.bg/aleko>
- Мавродиева – И. Мавродиева: Дебати в Седмото Велико Народно Събрание, излъчени по национално радио на 31 октомври 1990 година. 30.IX.2003. <www.hf.uio.no/east/bulg/mat/Parliament>
- Минков – Светослав Минков: Дамата с рентгеновите очи. [1934] 30.IX.2003. <www.litclub.com/archiv/broi33/damata.htm>

- Какво може да се случи нощем. [1932] 30.IX.2003.
<www.litclub.com/archiv/broi32/noshtem.htm>
- Сламеният фелдфебел. [1931] 30.IX.2003.
<www.litclub.com/library/fant/minkov/slameniia.htm>
- Човекът, който дойде от Америка. [1932] 30.IX.2003.
<www.litclub.com/library/fant/minkov/chovekut.htm>
- Алхимия на любовта. [1936] 30.IX.2003.
<slovoto.orbitel.bg>
- Попов – Алек Попов: Мръсни сънища. [1994] Метаболитните хора. [1997] Мисия Лондон (откъси). [2001] 30.IX.2003. <slovoto.orbitel.bg>
- Радичков – Йордан Радичков: Ние, врабчетата. [1968] Суматоха. [1967] 30.IX.2003. <slovoto.orbitel.bg>
- Радичков 1970 – Йордан Радичков: Скални рисунки. Новели. София, 1970.
- Райнов – Богомил Райнов: Нощни булеварди. [1963] I.VIII.2002.
<www.liternet.revoluta.com/bl/r/brajn.htm>
- СРСБКЕ – М. Димитрова и А. Спасова. Синонимен речник на съвременния български книжовен език. Трето издание. София, 1999.
- Станев – Емилиан Станев: Крадецът на праскови. [1948] 30.IX.2003.
<slovoto.orbitel.bg>
- Стоянов – Захари Стоянов: Записки по българските въстания 1870-1976 (откъси). [1884-1892] I.VIII.2002. <litclub.dir.bg/library/bg/stoyanov/zapiski>
- Стоянов 1976 – Захари Стоянов. Христо Ботйов. Опит за биография. София, 1976.
- Талев – Димитър Талев: Железният светилник. (откъси) [1989] 30.IX.2003.
<slovoto.orbitel.bg>
- Чудомир – Чудомир: Разкази и фейлетони [1969] 30.IX.2003. <slovoto.orbitel.bg>
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. I-29. Москва, 1974-2002.
- Яворов – Пейо Яворов: В полите на Витоша. [1910] 30.IX.2003.
<slovoto.orbitel.bg>